

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
РОЖДЕНИЕ

11

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ИЗГНАНИЕ

145

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
СЛАВА

229

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
ПАДЕНИЕ

347

Благодарности

397

Посвящается Ханан

Часть первая
РОЖДЕНИЕ

В последний день своей жизни, когда ей было двести сорок семь лет, незрячая поэтесса, чародейка и пророчица Пампа Кампана завершила свою гигантскую эпическую поэму о Биснаге и схоронила ее под землей в запечатанном воском глиняном сосуде в самом сердце разрушенного Царского квартала как послание в будущее. Четыре с половиной столетия спустя мы разыскали этот сосуд и впервые прочли бессмертный шедевр под названием “Джаяпараджая”, что означает “Победа и поражение”, написанный на языке санскрит, такой же длинный, как “Рамаяна”, состоящий из двадцати четырех тысяч стихов, и узнали секреты империи, которые она скрывала от истории более ста шестидесяти тысяч дней. Было известно, что от империи остались лишь руины, и наша память об ее истории также лежала в руинах, разрушенная ходом времени, изъянами памяти и фальсификациями тех, кто пришел после. Когда мы прочли книгу Пампы Кампаны, прошлое вернулось, и империя Биснага возродилась вновь такой, какой и была когда-то на самом деле, со своими женщинами-воинами, со своими горами золота, со своим душев-

ным благородством и своими периодами духовной низости, со своей слабостью и своей силой. Впервые мы услышали историю, которая началась и закончилась сожжением и отрубленной головой. Вот эта история; нынешний автор изложил ее более простым языком, он не ученый, не поэт, он просто прядет истории, как нити, и представляет свою версию лишь на потеху и ради возможного просвещения своих сегодняшних читателей, старых и молодых, образованных и не слишком образованных, ищущих истину и охваченных блажью, северян и южан, почитателей различных богов и чтящих отсутствие Бога, широко мыслящих и узко мыслящих, мужчин и женщин и тех, кто находится за пределами гендеров и между ними, дворянских отпрысков и простолюдинов, хороших людей и негодяев, шарлатанов и чужаков, смиренных мудрецов и самовлюбленных кретинов.

История Биснаги начинается в XIV веке новой эры на юге того места, которое мы сейчас называем Индией, Бхаратой, Хиндустаном. Старый правитель, чья покотившаяся голова положила начало всему, не был выдающимся монархом, а был скорее недоправителем из тех, что всплывают между упадком одного могущественного государства и подъемом другого. Его звали Кампила, по названию крошечного княжества Кампили, Кампила Райя, где *райя* — местное произношение слова *раджа*, правитель. Этому второсортному райе едва хватило времени на своем третьесортном троне, чтобы воздвигнуть на берегах реки Пампы четверосортную крепость, выстроить в ней пятисортный храм и высечь на каменной горе несколько грандиозных надписей, после чего на юг явилась армия с севера, чтобы с ним разобраться. Последовавшая за этим битва была односторонней, столь незначительной, что никто не удосужился ее как-то назвать. После того как северяне разгромили

армию Кампилы Райи и убили большую часть воинов, они схватили этого недоправителя и отрубили его лишенную короны голову. Затем они набили ее соломой и послали на север на радость делийскому султану. Не было ничего примечательного ни в этой безымянной битве, ни в этой голове. В те времена сражения были обыденным событием, и мало кто заботился о том, чтобы придумывать им названия, а отрубленные головы постоянно перемещались по нашей огромной стране на радость тому или иному правителю. У султана в его северной столице имелась неплохая их коллекция.

За этой ничем не примечательной битвой, как ни странно, последовало событие из числа тех, что меняют ход истории. Рассказывают, что женщины крошечного разгромленного царства, большая часть которых только что овдовела в результате безымянной битвы, покинули четверосортную крепость и, принеся последние подношения в пятисортном храме, на маленьких лодках, удивительным образом преодолевая сопротивление воды, переправились на другую сторону реки, немного прошли на восток вдоль южного берега, после чего разожгли огромный костер, в пламени которого совершили массовое самоубийство. Мрачно, без единой жалобы, простились они друг с другом и без колебаний шагнули прямо в огонь. Не прозвучало ни единого крика, даже когда пламя охватило их плоть, а воздух наполнился смертным смрадом. Они горели в тишине, было слышно лишь потрескивание костра. Пампа Кампана смотрела, как все это происходит. Словно бы сама Вселенная велела ей: открой глаза, дыши и запоминай. Ей было девять, она стояла и смотрела полными слез глазами, изо всех сил сжимая руку своей не проронившей ни слезинки матери, как все женщины, которых она знала, зашли в огонь и встали, уселись или улеглись в самом сердце пламени, и его струи забили из их ртов и ушей — старая женщина, повидавшая все, и юная женщина,

только что устроившая свою жизнь, и девочка, возненавидевшая своего отца — убитого солдата, и женщина, стыдившаяся того, что ее муж не пал на поле брани, и женщина с красивым голосом, и женщина с ужасным смехом, и женщина болезненно худая, и женщина, толстая, словно дыня. Маршем зашли они в костер, и от того, как завоняла их смерть, Пампу стало тошнить, а затем, к ее ужасу, ее родная мать Радха Кампана осторожно высвободила свою руку и, даже не простившись, медленно, но совершенно уверенно пошла вперед, чтобы разделить с мертвыми их костер.

До конца своей жизни Пампа Кампана, носившая одно имя с рекой, на берегах которой все это произошло, будет ощущать у себя в ноздрях запах горячей плоти своей матери. Погребальный костер был сложен из ароматного сандалового дерева и щедро умащен гвоздикой, чесноком, семенами зиры и палочками корицы; их добавили, словно сгоревшие женщины были острым блюдом, приготовленным на стол султанским генералам-победителям, чтобы доставить им гастрономическое удовольствие, но все душистые специи — куркума, крупные зерна кардамона, мелкие зерна кардамона — не смогли замаскировать каннибальскую остроту ни на что не похожее блюда — женщин, зажаренных живьем — и делали его собственный почти неощутимый запах еще более невыносимым. Пампа Кампана больше ни разу не притронулась к мясу и даже не могла находиться на кухне, когда его готовили. Любые мясные блюда вызывали у нее воспоминания о матери, и когда кто-то рядом поедал плоть мертвых животных, Пампе Кампане приходилось отводить глаза.

Отец Пампы умер молодым, задолго до безымянной битвы, так что ее мать была не из тех, кто овдовел в одночасье. Арджуна Кампана умер так давно, что Пампа даже не помнила его лица. Все, что она знала о нем, она знала из рассказов Радхи Кампаны, которая говорила, что это был добрый че-

ловец, любимый всеми жителями Кампили гончар, который также обучил своему искусству жену, благодаря чему после его смерти она продолжила его дело и даже превзошла его в нем. Радха, в свою очередь, поддерживала маленькие ручки Пампы на гончарном круге, сделав ее уже в детском возрасте искусным мастером в изготовлении горшков и мисок и преподав ей ценный урок, что такой вещи, как “мужская работа”, попросту не существует. Пампа Кампана верила, что ее жизнь будет состоять в том, чтобы делать красивые вещи вместе с матерью, рука об руку у гончарного круга. Но теперь с этой мечтой было покончено. Мать отпустила ее руку и оставила ее один на один с судьбой.

Довольно долго Пампа пыталась убедить себя, что ее мать, будучи человеком общительным, просто пошла туда же, куда все, ведь она всегда была женщиной, для которой дружба с другими женщинами имела первостепенное значение. Девочка сказала себе, что вздымающаяся стена пламени – всего лишь завеса, за которой женщины укрылись, чтобы посплетничать, и уже скоро они выйдут из пламени вновь, невредимые, возможно, слегка опаленные, возможно, пропитавшиеся кухонными запахами, которые, впрочем, довольно быстро улетучатся. И тогда Пампа с мамой пойдут домой.

Только после того, как последние ошметки прожаренной плоти опали с костей Радхи Кампаны и обнажился череп, девочка поняла, что ее детство прошло и с этого момента она должна вести себя как взрослая и никогда в жизни не повторить последней ошибки своей матери. Она рассмеется смерти в лицо и развернется к жизни. Она не станет приносить свое тело в жертву лишь для того, чтобы вслед за мужчинами отправиться в мир иной. Она отказывается умирать молодой и будет жить, напротив, до неприличной старости, как бы трудно это ни было. В этот самый момент на нее снизошла небесная благодать, благодаря которой изменится все,

ведь в этот самый момент голос богини Пампы, старой, как само Время, зазвучал из ее девятилетнего рта.

Этот голос был необъятным, как рев гигантского водопада, подхваченный в долине множеством более слабых эхо. В нем звучала музыка, никогда прежде она не слышала подобной, а позже окрестила эту мелодию *добротой*. Естественно, она была напугана, но в то же время и спокойна. Это не было одержимостью бесами. Это богиня говорила ее голосом, это было волшебство. Радха Кампана когда-то рассказывала ей, что два божества, находящихся на самом верху пантеона, пережили первые дни своей любви в этих местах, у грозных вод бурной реки. Быть может, сама верховная богиня в эту пору смерти вернулась в то место, где когда-то родилась ее любовь. Как и реку, Пампу Кампану в честь этой богини нарекли ее именем — “Пампа” было одним из имен, которыми в этих местах называли богиню Парвати, и здесь перед ней предстал ее возлюбленный Шива, сам могущественный танцующий бог, в своем местном обличье с тремя глазами; так что все происходящее обретало смысл. С ясной отрешенностью Пампа-человек начала внимать словам Пампы-богини, исходившим из ее собственных уст. Она имела над этими словами не больше власти, чем человек из зала имеет над звучащим со сцены монологом. Так началась ее карьера пророчицы и чародейки.

Физически она не ощущала никаких перемен. Неприятные побочные эффекты отсутствовали. Ее не трясло, она не теряла сознания, не было ни приливов жара, ни холодного пота. Из ее рта не шла пена, и она не билась в эпилептическом припадке, что, как она всегда думала, должно было происходить и происходило с другими людьми в подобных случаях. Если что-то и было, так это безграничный покой, накрывший ее мягким плащом, нашептывающий ей, что этот мир по-прежнему остается хорошим местом и что все еще будет хорошо.

— Из крови и огня, — говорила богиня, — будут рождены жизнь и могущество. На этом самом месте вознесется великий город, чудо света, и власть этой империи продлится больше двух сотен лет. Ты же, — богиня обратилась к самой Пампе Кампане, одарив ее тем самым уникальным опытом беседы со сверхъестественным существом, которое обращается к тебе твоими собственными устами, — ты же будешь сражаться за то, чтобы больше никогда женщин не сжигали подобным образом и чтобы мужчины начали относиться к женщинам по-другому, ты будешь жить достаточно долго, чтобы вкусить и собственный успех, и собственное поражение, чтобы увидеть все и рассказать эту историю, несмотря на то что ты умрешь в тот же миг, как закончишь свой рассказ, и четыре с половиной сотни лет о тебе никто и не вспомнит.

Так Пампа Кампана узнала о том, что милость богов — меч исключительно обоюдоострый.

Она пошла, не разбирая дороги. Живи она в наше время, могла бы сравнить окружавший ее пейзаж с поверхностью Луны — шербатые долины, заполненные грязью впадины, груды камней, пустоты и тоскливое ощущение вакуума в местах, где когда-то кипела жизнь. Но она не представляла себе, как может выглядеть Луна. Для нее это было лишь сверкающее с небес божество. Он брела дальше и дальше, пока ей не начали являться чудеса. Она видела кобру, накрывшую от жары своим капюшоном беременную лягушку. Видела кролика, побежавшего навстречу охотившейся за ним собаке, укусившего ее за нос и прогнавшего прочь. Эти видения указывали ей на то, что что-то чудесное находится совсем близко. Вскоре после того, как начались эти видения, которые, по всей видимости, были божественными знаками, она вышла в Мандане к маленькому сооружению *матт*.

Матт мог также называться *питхам*, но, чтобы никого не запутать, просто скажем, что это было жилище монаха. Впослед-

ствии, когда империя разрасталась, Манданский *матт* сделался важным местом, он расширился во всех направлениях, достигнув берегов бурной реки, превратился в огромный комплекс с тысячами священнослужителей, служек, торговцев, ремесленников, уборщиков, погонщиков слонов, дрессировщиков обезьян, конюхов и крестьян, трудящихся на постоянно растущих принадлежащих *матту* рисовых полях, он стал священным местом, куда императоры приходили за советом, но в то далекое время, еще до начала начал, это было скромное пристанище — пещера, где спал отшельник, да грядка овощей, едва ли больше, — а поселившийся там отшельник в то время был еще молод, это был ученый муж двадцати пяти лет от роду, с длинными, до самого пояса, кудрями, которого все называли Видьясагар, подразумевая, что его большая голова вмещает целый *видья-сагафа*, океан учености. Когда к его жилищу подошла девочка с гримасой голода на лице и безумием в глазах, он сразу понял, что она пережила нечто ужасное, дал ей напиток и отдал все свои скудные съестные запасы.

После этого — по крайней мере, такова излагаемая Видьясагаром версия событий — они просто стали жить вместе, спали на полу в разных углах пещеры и отлично ладили, отчасти, быть может, потому, что отшельник нес суровый обет воздержания от всего плотского, и даже когда Пампа Кампана достигла расцвета своей красоты, никогда не прикоснулся к ней даже пальцем, несмотря на то что пещера была совсем небольшой и они находились в ней вдвоем в темноте. Именно это отвечал он всю оставшуюся жизнь, когда его об этом спрашивали, а охотников порасспросить хватало, ведь мир наш исполнен цинизма и подозрений и кишит лжецами, которые думают, что все вокруг ложь. Такую историю рассказывал Видьясагар.

Пампа Кампана, когда спрашивали ее, не отвечала. Еще в раннем возрасте она научилась выкидывать из памяти многочисленные несчастья, что уготовила ей судьба. На тот мо-

мент она еще не понимала, насколько могущественна живущая в ней богиня, и не научилась управлять этой силой, а потому просто не могла защищаться, когда сомнительный отшельник-ученый пересекал разделявшую их невидимую черту и делал то, что делал. Он делал это не особенно часто, поскольку сильно уставал от своих ученых штудий, чтобы заботиться и о своей похоти, но все же достаточно часто, и всякий раз, когда он это делал, она усилием воли стирала то, что он сделал, из своей памяти. Стерла она и свою мать, которая, принеся себя в жертву, бросила дочь жертвой на алтарь желаний отшельника; довольно долго пыталась Пампа Кампана убедить себя в том, что случившееся в пещере ей только прикинулось и что матери у нее попросту никогда не было.

Это помогало ей принимать уготованную ей судьбу в молчании, однако у нее внутри вызревала грозная сила, мощь, из которой родится будущее. Со временем. Когда придет время.

За девять прожитых там лет она не произнесла ни слова, так что знавший столько разных вещей Видьясагар не знал даже, как ее зовут. Он решил, что будет звать ее Гангадеви, и она безропотно приняла это имя, и помогала ему собирать ягоды и корни для пропитания, подметать их убогое жилище и таскать из колодца воду. Ее молчание идеально устраивало его, ведь большую часть дней он проводил за медитацией, в глубоком сосредоточении постигая смысл священных текстов, которые знал на память, или пытаясь отыскать ответ на два важнейших вопроса: существует ли на самом деле мудрость или существует одно лишь невежество, и — как следствие — существует ли такая вещь, как *видья*, истинное знание, или существуют лишь всякого рода заблуждения, а истинное знание, в честь которого он был наречен именем, принадлежит одним лишь богам. К тому же размышлял он и о мире, пытаясь решить для себя вопрос, что можно сделать, чтобы в наш жестокий век обеспечить победу ненасилия.